

РОЛЬ ТАУКЕ-ХАНА В УРЕГУЛИРОВАНИИ КАЗАХСКО-КАЛМЫЦКИХ ОТНОШЕНИЙ В КОНЦЕ XVII – НАЧАЛЕ XVIII В.

**Саялбек Махамбетович
Гиззатов¹**

**Нурсултан Наурызгалиевич
Отеуов²**

---

¹ Национальный музей Республики Казахстан
Астана, Казахстан, sayalbek@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-9784-1812>

² Общеобразовательная школа № 37
Уральск, Казахстан, nursultan.nurik.2014@inbox.ru
<https://orcid.org/0009-0004-6375-5037>

Аннотация. Целью статьи является исследование особенностей дипломатии казахского хана Тауке (1630 – 1715 гг.) в отношении калмыков и Джунгарского ханства. В предлагаемой научной работе проанализирован исторический период времени начиная с конца XVI столетия, когда казахским ханом становится Есим, дед будущего всеказахского хана Тауке, и заканчивая началом XVIII в. Это время для Казахского ханства и его родоплеменных союзов было сложным, неоднозначным в отношениях с калмыками и джунгарами. На основе анализа сведений, почерпнутых из архивных источников (дипломатической переписки, грамот, донесений и др.), предпринята попытка обобщения данных по проблеме исследования, в процессе которого авторы приходят к заключению о том, что в казахско-калмыцкий вопрос хан Тауке внёс свои коррективы, но вместе с тем он опирался на традицию, установленную ещё его предшественниками. Главным двигателем дипломатии хана Тауке стала забота о защите своих территорий, о сохранении независимости и целостности Казахского ханства от внешних врагов, претендовавших на традиционные территории казахских кочевий, торговые центры, караванные пути.

В ходе исследования в научный оборот были введены ценные архивные документы, историко-литературные памятники (грамоты, письма, предания и т. п.), а также исторические и этнографические материалы казахстанских и зарубежных исследователей. Поэтому научная новизна работы заключается в том, что в ней обобщены и проанализированы не только новые материалы, но и имеющиеся в распоряжении современного исследователя данные, касающиеся содержания и направленности дипломатической модели хана Тауке, которую он последовательно применял в отношении калмыцких и джунгарских властителей.

Ключевые слова: Казахское ханство, хан Тауке, калмыки, джунгары, Джунгарское ханство, дипломатические отношения.

Для цитирования: Гиззатов С. М., Отеуов Н. Н. Роль Тауке-хана в урегулировании казахско-калмыцких отношений в конце XVII – начале XVIII в. // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2023. Вып. 4 (16). С. 8–21. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-4-8-21>

Сведения об авторах: С. М. Гиззатов – кандидат исторических наук, ученый секретарь, Национальный музей Республики Казахстан, 010000, Казахстан, г. Астана, пр. Тауелсиздик, 54;
Н. Н. Отеуов – магистр юридических наук, педагог-профориентатор, Общеобразовательная школа № 37, 090000, Казахстан, Западно-Казахстанская область, г. Уральск, ул. Самал, 72.

Scientific Article

UDC 94(574)+94(47).05

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-4-8-21>

THE ROLE OF TAUKE-KHAN IN THE SETTLEMENT OF KAZAKH-KALMYK RELATIONS IN THE LATE 17TH – EARLY 18TH CENTURIES

*Sayalbek M. Gizatov*¹

*Nursultan N. Oteuov*²

---

¹ National Museum of the Republic of Kazakhstan

Astana, Kazakhstan, sayalbek@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-9784-1812>

² Secondary school No. 37

Uralsk, Kazakhstan, nursultan.nurik.2014@inbox.ru

<https://orcid.org/0009-0004-6375-5037>

Abstract. The purpose of the article is to study the peculiarities of the diplomacy of the Kazakh Khan Tauke (1630 – 1715) in relation to the Kalmyks and the Dzungarian Khanate. The authors analyze the historical period of time starting from the end of the 16th century, when Yesim, the grandfather of the future all-Kazakh khan Tauke, becomes the Kazakh khan, and ending with the beginning of the 18th century. It was a difficult time for the Kazakh Khanate and its tribal unions and ambiguous in terms of relations with the Kalmyks and Dzungars. Based on the analysis of information gleaned from archival sources (diplomatic correspondence, letters, reports, etc.) the authors make an attempt to generalize the data on the problem of the study. As a result, the article concludes that Khan Tauke made his own adjustments to the Kazakh-Kalmyk question, but at the same time, he relied on the tradition established by his predecessors. The main engine for Khan Tauke's diplomacy was the concern to protect his territories, to preserve the independence and integrity of the Kazakh Khanate from external enemies who claimed the traditional territories of Kazakh nomads, trade centers, and caravan routes.

In the course of the study, the authors introduce valuable archival documents, historical and literary monuments (diplomas, letters, legends, etc.), as well as historical and ethnographic materials of Kazakhstani and foreign researchers for scientific use. Therefore, the scientific novelty of the work lies in the fact that it summarizes and analyzes not only new materials, but also the data available to the modern researcher concerning the content and orientation of the diplomatic model of Khan Tauke, which he consistently applied to the Kalmyk and Dzungarian rulers.

Keywords: Kazakh Khanate, khan Tauke, Kalmyks, Dzungars, Dzungarian Khanate, diplomatic relations.

For citation: Gizatov, SM & Oteuov, NN 2023, 'The Role of Tauke-Khan in the Settlement of Kazakh-Kalmyk Relations in the late 17th – early 18th Centuries', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 4 (16), pp. 8–21, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-4-8-21> (in Russ.)

Information about the Authors: *Sayalbek M. Gizatov* – PhD in Historical Sciences, Academic Secretary, National Museum of the Republic of Kazakhstan, 54 Tauelsizdik Ave., Astana, 010000, Kazakhstan;
Nursultan N. Oteuov – Master of Sciences in Jurisprudence, Career guidance teacher Secondary school No. 37, 72 Samal Str., Uralsk, West Kazakhstan region, 090000, Kazakhstan.

Введение

На годы правления казахского хана Тауке (1680 – 1715 гг.) выпал один из наиболее напряжённых периодов в отношениях казахов не только с калмыками, но и с другими соседствующими народами. Но и до начала его правления – весь XVII в. – в казахско-калмыцких отношениях военный вектор явно преобладал над дипломатическим. И именно казахско-калмыцкие дипломатические связи этой беспокойной эпохи до сих пор остаются мало исследованными ввиду скудости исторических, архивных свидетельств. Более того, казахская историография до сих пор не располагает исследованиями в области национальной дипломатии Древних и Средних веков. В распоряжении учёных лишь работы, посвящённые отношениям России, Китая, правителей Джунгарского ханства, ойратов-калмыков с ханами и султанами казахских жузов как родоплеменных союзов (Н. Я. Бичурин, В. В. Бартольд, А. И. Левшин, И. Я. Златкин, Н. И. Веселовский, И. Э. Фишер и др.).

Напомним, что джунгарами (зюнгарами) в монгольских источниках называли ойратов, в мусульманских источниках – это олоты (элюты). Монгольское слово «джунгар» – не этноним, а лишь обозначает левую сторону, левую руку. В своё время это было левое крыло войск Чингис-хана, а позднее любое монгольское владение имело свой «джунгар», т. е. «левую руку» [1]. В XVII – XVIII вв. джунгары жили на территории Джунгарии, Тарбагатай и Семиречья. В русской исторической литературе они назывались зюнгарскими калмыками и ойратами. Современная историческая наука называет их ойратами (волжскими калмыками). Основную часть Калмыцкого ханства основали племена торгутов (торгуты), дербетов, хошоудов. Джунгарское ханство составили четыре крупных ойратских племенных объединения чоросов, хошутов, дербетов и хойотов. С конца XVI в. они существовали под предводительством торгутского тайши Хо-Урлюка (? – 4.01.1644) сначала на Южном Урале, а позднее – в низовьях Волги и Урала. Тайши Хо-Урлюк в 1633 году основал Калмыцкое ханство (ныне территория Республики Калмыкия Российской Федерации и западная часть территории Казахстана).

Немаловажно подчеркнуть, что одним из «камней преткновения» в казахско-калмыцких отношениях был территориальный вопрос. Дело в том, что ойраты претендовали на такие этнические территории казахов, как часть Дашт-и-Кипчака (пространство от Иртыша, Улутау и Сырдарьи, делившиеся на западное и восточное, примерной границей которых была р. Урал) и Туркестана (земли вдоль Средней и Нижней Сырдарьи и Каратау – район Южного Казахстана и Семиречья).

Современный историк, обращаясь к проблеме содержания внешнеполитических и дипломатических отношений казахских правителей в рассматриваемый период, вынужден опираться преимущественно на сведения, почерпнутые из российско-калмыцких архивов: дипломатической переписки, отчётов и рапортов русских послов, купцов, чиновников, отмечавших постоянную нестабильность взаимоотношений ханов и султанов казахских жузов как родоплеменных союзов с калмыцкими правителями.

Таким образом, документальные свидетельства и научная информация по рассматриваемой проблеме практически отсутствуют. Внимание исследователей периода правления всеказахского хана Тауке по преимуществу сосредоточено на описании и толковании его кодекса законов «Жеты Жаргы» («Семь Установлений»). Однако в народной памяти до сих пор живёт воспоминание о нём как об одном из дальновидных, осторожных устроителей жизни казахов, когда, по сохранённому в народной памяти выражению, «на спинах овец жаворонки вили гнезда». Как представляется, такую оценку хан Тауке получил не только за свою правоведческую деятельность, но и за стремление обеспечить казахам спокойную, мирную жизнь, снизить опасность внешних угроз, исходящую в том числе от калмыков и джунгар.

С целью максимально объективной оценки дипломатической модели хана Тауке, выстроенной им в отношении волжских калмыков и Джунгарского ханства в рассматриваемый временной промежуток, было необходимо вернуться в более раннюю эпоху, в годы правления его деда – хана Есима и его отца – хана Жангира. Именно их стратегия и тактика легли в основу дипломатии хана Тауке. Но этот правитель дополнил их и собственным видением проблемы, в результате чего и были сформированы противоречивые, неоднозначные подходы к решению «казахско-калмыцкого вопроса».

Методы и материалы.

В исследовании применялся историко-системный подход к рассматриваемым явлениям и событиям определённой исторической эпохи с использованием историко-сравнительного, диахронного, нарративного методов.

Базовыми материалами исследования послужили архивные материалы из фондов Центрального государственного архива древних актов (ЦГАДА), Омского областного государственного архива Российской Федерации (ООГА РФ), Астраханского областного государственного архива Российской Федерации (АОГА РФ), а также архивные материалы, размещённые в сборнике «История Казахстана в русских источниках» [7], сборники документов по истории русско-монгольских отношений [12], по истории казахских ханств XV – XVIII вв. [11]. Фактологический материал, касающийся казахско-джунгарских отношений, содержится в известном и практически единственном исследовании такого характера – монографии И. Я. Златкина «История Джунгарского ханства 1635 – 1758 гг.» [6]. Большое значение для характеристики деятельности хана Тауке, его личности имеет труд А. И. Левшина «Описание киргиз-казацких, или киргиз-кайсацких, орд и степей» [10], а также работы казахстанских историков М. Тынышпаева [15], Н. А. Атыгаева [1], И. М. Козыбаева [9], Ж. М. Сабитова [14].

Результаты

Доступные ныне источники свидетельствуют о чрезвычайно сложном внешне-неполитическом положении Казахского ханства уже с начала XVII в. Эпоха правления хана Тауке (1680 – 1715 гг.) (Тявка – в интерпретации русских источников; Таваккул-Мухаммад-батыр-хан – имя на личной печати), казахского хана (после 1651), несла в себе все проблемы, противоречия и политические устремления его предшественников – отца (хана Жангира) и деда (хана Есима / Ишима). Основной политический вектор (дипломатический и военный) казахских правителей был направлен в этот период в первую очередь в сторону приволжских калмыков и джунгар.

Есим (Ишим), став казахским ханом в 1598 г., правил в последующее пятилетие и в 1627–1628 гг. Это были годы нарастающего противостояния Казахской Степи и ойратов. Российский историк И. Э. Фишер (Фишер, 1774) говорит о хане Есиме в «Сибирской истории» в связи с его совместным с сыном Жангиром военным противостоянием джунгарскому хунтайджи Эрдени-Батуру, основателю и правителю Джунгарского ханства [17, 1774: 444; Миллер, 2005:19].

Характер казахско-калмыцких отношений далеко не всегда носил дипломатический характер, а достигнутые соглашения далеко не всегда были в пользу Казахского ханства. Волжские калмыки усиливали своё присутствие на западе, а на востоке военная опасность исходила от Джунгарского ханства. Те и другие медленно и постепенно стремились захватить территории, находившиеся в сфере влияния казахских владетелей, оказавшись неким буфером между ними и Россией. Справедливости ради следует отметить, что были и периоды перемирия, даже такие, когда часть калмыков подчинялась временно власти казахских ханов. В частности, за три года до начала правления Есима посол казахского хана Тевкекеля Кулмагамбет, бывший в посольстве в Москве в начале 1595 г., говорил: «Ныне... Тевкел-царевич –

царь учинился на Казатцкой орде, а брата своего Шах-Магометя-царевича посадил на колмаках». И в жалованной грамоте хану Теввекелю (март 1595 г.) царя Фёдора Иоанновича говорится об этом же: «Присылал еси к нашему царскому величеству человека своего Кулмагамбетя з грамотою, а в грамоте своей ... писал еси... учинился еси царём на двух ордах на Казатцкой да на Калмытцкой. И нам бы, великому государю... тебя пожаловати, приняти под свою царскую руку с обеими вашими ордами...» [16, л. 8].

Наличие этих документов свидетельствует о существовании дипломатических связей между казахским ханом Теввекелем и калмыцкими властителями. Но какими конкретно властителями – не ясно. Причём ряд исследователей, в том числе И. Я. Златкин, вообще подвергает сомнению факт отражения в них исторической действительности, а именно самой возможности подчинения всех калмыков кому-либо из казахских правителей. Автор апеллирует к различным известным источникам – монгольским, китайским, русским и тюркоязычным, в которых какая-либо информация по поводу событий, переданных Кулмагамбетом и в царской грамоте, отсутствует. «Во всяком случае, – пишет автор, – следует решительно отвергнуть предположение о признании этой власти всеми ойратскими правителями. Речь может идти лишь о том, что в начале 90-х годов XVI в. одно или несколько ойратских княжеств, кочевья которых соприкасались с казахскими, в результате военного положения оказало(и)сь вынужденным(и) признать власть хана казахов и в течение некоторого, вероятно, непродолжительного, времени служить ему. ...Временными подданными казахов могли быть торгоутские или дэрбэтские князья» [6, с. 336].

Однако, подчеркнём ещё раз, события, о которых говорится в документах, указывают хотя бы на существование попыток со стороны казахских ханов тем или иным дипломатическим образом урегулировать спорные вопросы, касающиеся прежде всего территорий кочевья, поскольку именно они и стали камнем преткновения в казахско-калмыцких отношениях на протяжении всего последующего периода до вхождения Казахстана в состав Российской империи.

С приходом к власти хунтайджи Батура и правления Есим-хана территориальные конфликты обострились, причём властители ойратов менялись, как в калейдоскопе, и даже достигнутые мирные соглашения при одном правителе могли уже ничего не значить при другом. Так, при Далай-Батуре-тайше политическая обстановка и отношения с казахскими жузами были достаточно спокойными. Об этом свидетельствуют свидетельства русского посольства Томилы Петрова и Ивана Куницына, отправленного в 1616 г. из Тобола к ойратам. Далай был дербетским тайшой – правителем крупной ойратской группировки, в которую входили тогда четыре его родных брата, торгоуты под властью Хо-Урлюка и чоросы во главе с Чохуром. Давая характеристику отношениям группировки Далай с Казахской Степью, послы в донесении, в частности, пишут: «К Колматцкой земле ныне в подданстве и в их послушанье Казачья Большая орда да Киргизская орда, и тем обеим ордам колмаки сильны. А которые ясыри Казатцкие и Киргизские земли прежде всего пойманы были в полон в Колматцкую землю, и тех ныне Богатырь-тайш, сыскивая, отдаст им без окупы (т. е. без выкупа, бесплатно – *авт.*). А Казачьи и Киргизские орды начальники о том ему присылают бити челом, и живут с ним в совете и во всём Богатыря-тайша над собою почитают и его слушают» [12, с. 604].

Из содержания документа следует, что в то время казахский Большой жуз поддерживал с этой группировкой ойратов вполне добрососедские отношения, хотя они и не были паритетными: казахские феодалы подчинялись ойратам, но это подчинение носило достаточно условный характер и не исключало набегов и лёгких военных стычек с захватом пленных и угоном скота. Ойраты в это время не спешили

кочевать на Волгу, Хо-Урлюк пока молчал, и Младшего жуза всё это никак не касалось.

Но Есим-хан успел поучаствовать в конфликте между ойратами, возглавленными Хара-Хулой и Алтын-ханом. Вернее, он воспользовался этим конфликтом в своих интересах, чтобы напасть на ойратские улусы, о чём пишет толмач Пятунька Семёнов на основе сообщения, полученного в Уфе в октябре 1620 г. от людей, вернувшихся от ойратов: «Слышал де он у калмацких людей, что приходил на них в прошлом году Казачьей орды Ишим-царь...» [12, с. 271]. В монографии И. Я. Златкина со ссылкой на русские дипломатические документы приводятся сведения об этом же, сообщённые башкирами, возвратившимися в 1620 г. из Уфы, которые сообщали, что «колмацким тайчам учинилась теснота великая от Казачьи орды от Ишима-царя; побил де у них многих людей...» [6, с. 336].

Однако язык дипломатии, по крайней мере, до смерти Есим-хана в 1628 г., был всё же более убедительным в казахско-калмыцких и казахско-джунгарских контактах. В посольских материалах Русского государства (XVI – XVII вв.) имеются сведения о дипломатических связях между казахами и ойратами-калмыками.

Целью казахского посольства стали переговоры о выкупе захваченных ойратами пленных после недавних сражений.

В 1625 г. посланный к калмыцкому Талай-тайше Якунько Буголаков свидетельствовал: «... Зимою приходили из Бухар от Турсун царя да из Казачьи Орды от Ишима царя послы о миру и меж себя с Талай тайшею шертовали, что быть меж ими миру» [7, с. 456].

О существовании мирных соглашений между Старшим жузом и джунгарами пишет и А. И. Левшин: «В 1642 г. зюнгарский владелец Батур, или Богатур, при переговорах с русскими посланцами уже называл киргизов подданными своими, а князя их – родственником и ссылался на заключённый с ними за несколько лет перед тем договор». [10, с. 139]. Зюнгарский владелец Батур здесь – Эрдени Батур-хунтйаджи (ум. 1654), правитель Джунгарского ханства. И это имя имеет непосредственное отношение к политике и дипломатии Есима и Жангира, результаты которой наследовал хан Тауке. Внутренняя и внешняя политика Эрдени Батура была направлена на укрепление Джунгарского ханства. Интересы его более лежали в сфере войны, нежели мира. В период его правления было совершено несколько завоевательных походов против казахов. В частности, ещё при Есиме в 1635 г. он вступил в войну с ними, а сын Есима Жангир возглавил казахское войско, но поход был неудачным, и Жангир оказался в плену, о чём есть упоминание в «Сибирской истории» И. Э. Фишера [4]. Каким образом Жангиру удалось освободиться из плена: были ли применены средства дипломатии, или он просто сумел бежать, неизвестно. Во всяком случае, А. И. Левшин пишет об этом так: «Возвратив себе каким-то случаем свободу, он решил мстить зюнгарам и непрерывно тревожил их набегами» [10, с. 160]. Таким образом, политика Жангира мало предполагала установление последовательных и, насколько было возможно тогда, крепких дипломатических отношений с калмыками. В свою очередь и джунгарам на некоторое время после смерти Эрдени Батура стали безразличны проблемы войны и мира, поскольку Джунгарское ханство было охвачено смутами, хотя пришедший к власти после смерти Эрдени Батура хунтайши Галдан-Бошоктау (1670 – 1697) стремился не только усилить внутреннюю власть в Джунгарии, но и продолжать захватнические стратегии за её пределами.

Какими-либо сведениями о казахско-калмыцких отношениях в этот период современная историческая наука не располагает. Что же касается того договора между Старшим жузом и джунгарами, о котором говорит А. И. Левшин, то, скорее всего, он носил локальный характер: как договор между улусными ханами и джунгарами, а не всего Старшего жуза. Число этих договоров не поддаётся сколько-нибудь

точному подсчёту, что определялось в то время общим настроением казахских улусных ханов, султанов и воинов в их подчинении какой-либо внешней власти. А. И Левшин так характеризует качество и характер отношений, традиционно сложившихся у казахов во внешнеполитической среде: «Частые нападения на военные линии наши, отгоны лошадей, увлечения в плен людей, разграбления караванов, сражения с нашими отрядами и множество подобных происшествий показывают, какое понятие имеют киргизы о подданстве своём России. *Так же поступают они и с другими соседственными державами, которые называют их подданными своими, применяя подчинённость свою по обстоятельствам*» [10, с. 362]. Те отношения, сложившиеся между подчиняющими и подчинёнными, мало предполагали хотя бы какую-то систему во внешнеполитических, в том числе дипломатических, связях. Внешние контакты, как пишет об этом автор, были весьма разнообразными и не всегда мирными. Само их содержание свидетельствует о насыщенности, динамичности, противоречивости отношений и устремлений казахских правителей со своими территориальными соседями, что неоднократно подчёркивается в современных исследованиях [1, 9, 14].

Первенство в попытке преодолеть хаотичность и непредсказуемость контактов казахов с внешним миром по праву принадлежит хану Тауке (1635 – 1715 гг.), имя которого как независимого правителя появляется в источниках 80-х годов XVIII в. Известный российский дипломат-востоковед и современник хана Тауке А. Тевкелев говорил о нём: «Тевке-хан был человек умный и у киргисцов в великом почтении» [21]. А. И. Левшин в своей монографии пишет по поводу хана Тауке: «При имени сем сердце всякого киргиз-казака, несколько возвышающегося духом над толпами буйных соотечественников своих, наполняется благоговением и признательностью. Это Ликург, это дракон орд казачьих» [10, с. 278]. На первый взгляд, столь романтизированная эмоциональная характеристика имеет под собой реальные основания. Слова автора по поводу того, что истинное значение и вклад хана Тауке понятны только тем его соотечественникам, которые были способны оценить всё, что он сделал, весьма точно передаёт смысл всей политики его как хана Младшего жуза, а позднее и всеказахского хана – в беспокойную для его народа эпоху второй половины XVII в. Этот правитель был более дипломатом, правоустроителем, администратором, хотя не избегал и военных действий. Не случайно в народе его прозвали Аз Тауке – мудрый, справедливый. И столь же не случайно у казахов сохранилось воспоминание о времени его правления как об одном из наиболее благоприятных периодов казахской истории. А. И Левшин пишет: «Было время, говорят благоразумнейшие из киргизов Меньшей орды, когда и наш народ жил в покое, было время, когда и у нас существовал порядок, были законы и правосудие» [10, с. 165].

Сравнение хана Тауке с Ликургом – легендарным спартанским законодателем, которому греческие авторы приписывают создание институтов общества Древней Спарты и государственного устройства, – также не дань романтике. Именно ему принадлежит авторство первого казахского обобщённого свода законов «Жеты Жаргы», который определил основные принципы устройства и управления не только в Младшем жузе, возглавленном им после 1651 г., но и на всех казахских территориях и всех жузах. Он действительно стал «драконом» для казахов в том смысле, что видел для себя четыре задачи: внешней защиты казахских территорий от посягательств на них джунгар, строгого правового внутреннего регламента правления, консолидации общества и централизации власти.

Безусловно, в тот период непрекращающихся внешних столкновений казахских жузов с джунгарами и ойратами-калмыками и внутренних – ханов и султанов жузов между собой такой, как бы мы сейчас сказали, вектор политики Тауке-хана был понятен и разделяем далеко не каждым. Хану Тауке регулярно нужно было быть

не только «внешним», но и «внутренним» дипломатом, разрешая споры, постоянно возникавшие между многочисленными представителями «белой кости». Достаточно сказать, что свод его законов как первоосновы порядка в казахских жузах принимался далеко не всеми. Так, по свидетельству того же А. И. Левшина, «киргизы Большой и Средней орд утверждали, что народные законы их гораздо древнее хана Таяки» [10, с. 367].

Продолжая характеристику хана Таяки и его правления, А. И. Левшин отмечает наиболее яркие черты хана Таяки как дальновидного политика и дипломата: «Он успокоил их (казахов – *авт.*) после гибельных междоусобий; он остановил кровопролития, продолжавшиеся несколько лет от распрей одних племён с другими, он убедил всех умом и справедливостью повиноваться себе, он соединил слабые роды для сопротивления сильным, а сильные усмирил и дал всем всеобщие законы, по которым судил их и которые донныне живут в памяти благоразумнейших киргизов...». [10, с. 165]. Характеризуя «золотой век» хана Таяки, автор видит этого правителя как своего рода гения, который «в летописях казахских должен стоять с солонями и ликургами», в том числе и потому, что, «усмирив волновавшиеся долго роды и поколения, он не только ввёл в них устройство, порядок, но и дал им многие законы» [10, с. 165].

Осуществить эти внутренние реформы было бы вряд ли возможно, опираясь лишь на грубую силу и не используя рычаги дипломатии – переговоры и убеждение ханов и султанов, в первую очередь Среднего и Старшего жузов, которые более всего и сопротивлялись этим реформам, убеждённые, что «народные законы их гораздо древнее хана Таяки» [14, с. 123–124]. Осуществляя реформу казахской правовой системы, хан Таяки не рассматривал её лишь как регулятор внутренней политики, видя в правовых нормах один из механизмов консолидации казахских государственных структур во внешнеполитических отношениях. При помощи свода законов и на основе этих законов укреплялись общественные устои, хозяйственно-политические связи между тремя жузами, преодолевались разногласия между их правителями, мобилизовались силы для военных операций против калмыков. Роль ханского Совета и Совета биев была поднята и упрочена, что придало этим правовым институтам устойчивость на основе базовых законов, единых для всех.

Конечно, говорить об особом «дипломатическом корпусе» при хане Таяки было бы некорректно. Но им последовательно предпринимались меры для поддержания упорядоченности в системе дипломатического общения.

Российские источники содержат интересную информацию, касающуюся организации дипломатической службы при Таяки-хане. Интересны свидетельства, оставленные российскими послами в Туркестане в 1693 г. и 1694 – 1696 гг.: «А до посольства де корму Андрею (Андрей Неприпасов возглавлял посольства – *авт.*) не давано, а после посольства (т. е. после аудиенции у хана – *авт.*) давано ему, Андерю, корму 4-м человекам по грошу в день, а против денег бяземи»; «И после посольства приказал он, Тевки хан, поставить нас с Андреем Неприпасовым в одной юрте, и дано было нам корму баран да два пуда пшеницы с приезде нашего, а болши того корму ничего не давано... А которые посланцы приходят к нему, Тевки хану, из бухарских городов от тамошних владельцев, и тем посланцом, по его Тевки ханову, приказу, дают корм довольно, имеют их в чести ...»; «И после того Андрей Неприпасов вскоре бил челом об отпуске. И Тевки хан им отказал: что де ныне осенью итти нельзя: и пришли де калмыки и стоят на Сарысуе реке. И хотел их отпустить весною и с торговым корованом бухарским. И они де ему, Тевки хану, били челом о корму. И Тевки хан приказал им давать четверем человеком по осми копеек на день» [19, с. 426].

С целью обеспечения безопасности послов при их отъезде выдавались ярлыки – охранные грамоты. Посол В. Кобяков в своём донесении пишет: «И в прошлом де в

1696 году, июля в 20-й день, отпустил его, Васку с товарищи, Тевки хан тайно в Бухары и дал проезжие ерлыки» [19, с. 428–429].

Первый дипломатический опыт будущий всеказахский хан получил уже в пятнадцатилетнем возрасте, когда был отправлен отцом Жангиром посланником к Абдаллах-хану, правителю Кашгарии. Позднее, в 90-х годах XVII в. хан Тауке активно участвует во внешней политике. При этом применяются как дипломатические, так и военные средства. Вторые всё более превалируют в казахско-калмыцких отношениях, в особенности после прихода к власти Цеван-Рабдана (1697 – 1727 гг.). Военные действия Джунгарского ханства против казахов в период жизни Тауке датируются 1643, 1681 – 1684, 1698, 1711 – 1712, 1714 гг., при этом, как справедливо замечает И. Я. Златкин, этот список далеко не полный, поскольку современным историкам неизвестно об ответных действиях казахов [20, с. 341].

Ещё при Галдане джунгары переходят через р. Чу и вторгаются в Ферганскую долину. В 1683 – 1684 гг. они приходят на юг Казахского ханства и опустошают оазисы Туркестана, разрушают Сайрам [3, л. 30–39]. О неустойчивом характере мирных соглашений между ханом Тауке и калмыками свидетельствуют события весны 1698 г., которые известны нам из письма Цеван-Рабдана императору Цинской империи Сюань Е, прокомментированного И. Я. Златкиным в своей монографии. Само письмо приведено в «Истории о завоевании китайским ханом Канхией калкаского и элетского народа» в переводе И. Росохина (1750). В рамках настоящей статьи оно интересно тем, что события, передаваемые адресантом, являются весьма ярким образчиком некоторых совсем не дипломатических принципов, бывших в ходу не только у хана Тауке, а в целом типичных для восточной дипломатии того времени.

Поводом для письма стала просьба хана Тауке к Цеван-Рабдану об освобождении своего сына, взятого в плен Галданом (которого к этому времени уже не было в живых) и отправленного в Лхасу далай-ламе в подарок. Как пишет Цеван-Рабдан, Тауке обещал за это, что хан «со мною в союзе и согласии пребывать будет». Поверив хану Тауке, Цеван-Рабдан не только добился освобождения его сына, но и снарядил 500 своих людей для охраны его вплоть до ставки хана. Однако Тауке поступил вероломно и, нарушив договор, «за сии мои благодеяния вместо благодарности оных моих людей всех до последнего человека наголову побил. Потом моего подданного Урхедей-Батур-гайдзия убил и всех его людей, разграбивши, в плен к себе отвел. После сего не в долгом времени данных моих яшашных урянхайцев более ста кибиток с женами и с детьми, со всем их скотом и пожитками забрал». Кроме того, люди Тауке-хана совершили нападение на караван, с которым ехала в Джунгарию с берегов Волги невеста Цзван-Рабдана, дочь Аюка-хана. «Тако же де он, Тауке, моих купецких людей, возвращающихся с товарами из Российской земли, разграбил». Поэтому «принужден я силе силою отвращать и против них со своим войском войною итти. Я сим объявлением невинность мою изъясняю того ради, дабы ваше величество не подумали, что я к войне великую склонность имею» [6].

Комментируя это письмо, И. А. Златкин пишет: «Мы привели выдержки из письма Цзван-Рабдана не потому, что они могут оправдать джунгарского хана и обвинить казахского. У нас нет оснований верить, как в благородство и бескорыстие Цеван-Рабдана, так и Тауке. Несомненно, что оба хана имели основание обвинять друг друга» в подобных же проступках [11, с. 649].

В контексте этого же происшествия любопытен один из фрагментов «Предания о казахском хане Тауке и батыре его Алдияре», записанного со слов потомка Алдияра и приведённого известным казахстанским историком М. Тынышпаевым в «Истории казахского народа». Для переговоров с казахским ханом к Алдыяру как главному батыру казаков прибыл сам калмыцкий хонтайши (хан). Алдыяр и хонтайши пришли к заключению, что нужно обеим сторонам помириться и отказаться

от враждебных нападений. Алдыяр поехал к Тауке, изложил ему мнения хонтайши и его самого. Тауке не только не согласился, но решил поймать хонтайши и убить его. Напрасно Алдыяр ссылался на святость гостеприимства: Тауке остался непреклонен; тогда Алдыяр наотрез отказался выдать своего гостя, уехал от Тауке и стал готовиться к отпору нападения хана. Тауке собрал войско и напал на аул Алдыяра; последний собрал родственников, и сражение произошло около аула Алдыяра (...). С братьями Кудыяром, Избасаром, Майланом и другими родственниками Алдыяр сражался против Тауке с утра до вечера. В этот день суждено было пасть в бою молодому Майлану. Алдыяр отразил нападение Тауке, на другой день с почетом отправил калмакского хонтайши к себе на родину. В памяти потомства Алдыяра об этом сражении сохранился следующий стих: «У Узун-Агаша и Тойке прибыл калмык (хонтайши). Хан Тауке решил совершить насилие (над Алдыяром) и отрубить голову (хонтайши); Зачем прибыл проклятый калмык: два казака (Тауке, Алдыяр) сразились и умер Майлан». Хонтайши, благополучно возвратившись к себе, вызвал пленных казаков, спросил их, из каких они родов; затем он освободил пленных не только рода «садыр» (род Алдыяра), но и вообще найманов, затем освободил даже таких, которые только понаслышке знали Алдыяра» [15, с. 128].

М. Тынышпаев совершенно справедливо указывает на полное соответствие предания реальным историческим событиям [15, с. 220; 10, с. 165]. Столь же реально отражён в нём и характер отношений, имевших место между казаками и калмыками и находящих подтверждение в письме Цеван-Рабдана, на которое, кстати, ссылается и сам исследователь. Эти события как нельзя лучше характеризуют сложность отношений Казахского ханства и джунгар и сам подход их властителей к международной политике, пронизанной восточным лукавством, коварством и вероломством. Потому и следует согласиться с И. Я. Златкиным, критически оценившим мнение историка-монголоведа XIX в. В. А. Позднеева относительно злой воли одних лишь ойратских ханов, проводивших захватническую политику и постоянно провоцировавших конфликт.

Заметим попутно, что инструментом сглаживания противоречий, пусть и не определяющим, становилась «брачная дипломатия». Так, женой хана Есима стала дочь калмыцкого властителя Хо-Урлюка Дильхаш, а по казахским преданиям, на которые ссылается М. Тынышпаев, «калмыки, желая породниться с грозным Джангыр-ханом и тем несколько умиловить его, выдали за него дочь хунтайши, от которой и родился Тауке» (по другим сведениям это была калмыцкая наложница – *авт.*) [13, с. 368].

Одним из возможных механизмов защиты от притязаний калмыков хан Тауке видел установление и укрепление дипломатических отношений с Россией, хотя, разумеется, причиной поддержания таких контактов было не только это, но и налаживание экономических, торговых связей. С этой целью Тауке-хан направил официальные делегации в Российскую империю в 1688, 1690, 1691, 1716 гг. Эти делегации возглавляли доверенные лица Тауке-хана, такие, как Келдей, Сары Мирза, Туманши, Кабай, Колтубай, Аталыкулы, Ташыл-батыр, Бекболат Елкешулы, Байдаулет Нурлыулы и другие [5, л. 18–20].

Император Петр I, «открывший окно в Европу», считал Казахское ханство «ключом и вратами» к выходу на всю Азию. Поэтому Российская империя была заинтересована в укреплении политических дипломатических связей с казаками. Об этом свидетельствует прибытие в Казахскую Степь послов во главе с Шапошниковым, Василием Кобяковым, Андреем Неприпасовым, Федором Скрибиным, Матвеем Трошиным и другими [4, л. 141].

В рассматриваемый период Россия была способна сдерживать честолюбивые замыслы властителей волжских калмыков и Джунгарского ханства. В письме царю

Ивану Алексеевичу от 1692 г. хан Тауке указывает на длительные связи России с Казахской Степью, которые необходимо продолжать: «После дедов и отцов наших из ваших государств люди к нам приезжали, а наши – к вам, и всяко бы доброе дело промеж нами по-прежнему совершалось многия лета, дороги залегли, чтоб ныне очистились и промеж нами ваши и наши убогие люди ездили и полнились, а нам бы была добрая слава». Это хорошо понимала и российская сторона. Царь Пётр с посольством Аталыкова в 1694 г. передаёт хану Тауке письмо следующего содержания: «Де всем азиатским странам и землям оная де Орда ключ и врата, и той ради причины оная де Орда потребна под Российской протекцией быть, чтобы только через их во всех азиатских странах коммуникацию иметь и к российской стороны полезные и способные меры взять» [8, с. 667].

В свою очередь Российская империя приступила к возведению укреплений с целью защиты от джунгарского нашествия. В 1708 г. царь Пётр I издал указ о строительстве крепости у рек Бий и Катунь. В результате в 1709 г. была возведена Бикатуньская крепость. Джунгары понимали, что несмотря на разгром этой крепости воевать против Российской империи будет нелегко. Поэтому они считали, что нападать на Казахское ханство будет проще [2, л. 25].

В 1710 г. ханом Тауке был созван курултай в Каракумах (на месте кочевания родов каракесеков?), о чём существует письменное свидетельство русского офицера Гавердовского: «...В 1710 году некоторые старейшины и начальники семейств из числа тех родов, которые располагались в песках Каракумах, собрались для совету, дабы употребить все усилия к единодушной защите друг друга до последней капли крови. Слабые души даже среди сего собрания обнаружили страх свой и предлагали искать безопасности от милосердия контайши, другие хотели оставить жилища свои и спасаться бегством за реку Волгу, а некоторые, подобно зайцам, желали рассеяться в разные стороны, и поколебали было постоянство многих. Но известный в то время по храбрости старшина Буканбай (батыр из рода табын поколения жетыру Младшего жуза – *авт.*) уничтожил сии предприятия их» [8, с. 702]. Безусловно, не без усилий Тауке и при поддержке биев и авторитетного воина Бокенбая было сформировано войско под руководством последнего, которое остановило джунгар, а затем оттеснило их на восток.

Несмотря на отдельные удаchi хана Тауке в военных стычках с джунгарами и дипломатические демаршы его по отношению к России, калмыцкое присутствие на этнических территориях возрастало; казахи постепенно теряли преимущество и позиции своих кочевий по Иртышу, Тарбагатаю и Жетису; не лучше обстояло дело и в отношениях с волжскими калмыками. Время требовало более последовательных и дальновидных решений казахско-калмыцкого вопроса.

Обсуждение и заключение

Краткий экскурс в историю казахско-калмыцких дипломатических отношений позволил установить, что калмыцкий вопрос для казахских ханов был одним из приоритетных на всём протяжении XVII столетия. Об этом свидетельствует не только внешнеполитические и дипломатические интересы самого хана Тауке, но и его предшественников – ханов Есима и Жангира. Дипломатическая модель этих отношений была весьма неоднозначна, а мирные соглашения перемежались военными стычками, захватом пленных, скота. Причём все эти действия были обоюдны, о чём свидетельствует анализ исторических документов, доступных сегодня для изучения. К сожалению, круг этих документов весьма ограничен, что затрудняет составление полной, объёмной картины всех существовавших в период правления хана Тауке казахско-калмыцких дипломатических контактов. Однако можно отметить такие качества дипломатии этого правителя, как осторожность, гибкость, политическая воля.

Именно они, а не коварство и беспринципность позволили ему сохранить суверенитет и целостность Казахского ханства.

Список источников и литературы

1. *Атыгаев Н. А.* Казахское ханство в системе международных отношений Евразии // Мир Большого Алтая. 2015. № 1 (3). С. 200–211.
2. Государственный архив Астраханской области (ГА АО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 364.
3. Государственный архив Омской области (ГА ОО). Ф. 366. Оп. 1. Д. 327.
4. ГА ОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 330.
5. ГА ОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 341.
6. *Златкин И. Я.* История Джунгарского ханства 1635 – 1758. М.: Наука, 1983. 336 с.
7. *История Казахстана в русских источниках. Т. 1. Посольские материалы Русского государства (XVI – XVII вв.)* / сост. коммент. и ред. А. Исина. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. 726 с.
8. *Казахско-русские отношения в XVI – XVIII вв.: сб. документов и материалов* / под ред. В. Ф. Шахматова, Ф. Н. Киреева, Т. Ж. Шоинбаева. Алма-Ата: Наука, 1961. 740 с.
9. *Козыбаев И. М.* Дипломатия Казахстана: страницы истории. Алматы: Санат, 2007. 208 с.
10. *Левшин А. И.* Описание киргиз-казацких, или киргиз-кайсацких, орд и степей. Алматы: Санат, 1996. 656 с.
11. *Материалы по истории казахских ханств XV – XVIII вв.* / сост. С. К. Ибрагимов. Алма-Ата: Наука, 1969. 649 с.
12. *Материалы по истории русско-монгольских отношений. 1607 – 1636.* Сборник документов / отв. ред. И. Я. Златкин, Н. В. Устюгов. М.: Госиздат, 1959. 604 с.
13. *Позднеев А. М.* Монгольская летопись «Эрдэнийн эрихэ»: подлинный текст с переводом и пояснениями, включающими в себя материалы для истории Халхи с 1636 по 1736 г. СПб.: тип. Акад. Наук, 1883. 421 с.
14. *Сабитов Ж. М.* Казахско-калмыцкие отношения в 1700–1715 годах // Средневековые тюрко-татарские государства. 2014. № 6. С. 122–126.
15. *Тынышпаев М.* История казахского народа. Алматы: Санат, 2009. 288 с.
16. Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА). Ф. Китайские дела. Оп. 1. Д. 2. Л. 8.
17. *Фишер И. Э.* Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1774. 631 с.
18. *Хамит А.* Тауке хан и «Золотой век» Казахского ханства // Gonzo.kz : блог-платформа Казахстана. URL: http://gonzo.kz/blog/3454-tauke_han_i_zolotoy_vek_kazahskogo_hanstva (дата обращения: 11.11.2023).
19. *История Казахстана в русских источниках. Т. 1: Посольские материалы Русского государства (XVI – XVII вв.).* Алматы : Дайк-Пресс, 2005. 704 с.
20. *Ажидинов А. С., Дуйсекова А. Т., Отеуов Н. Н.* Калмыцко-джунгарский совместный план военной агрессии на казахские ханства в конце XVII – начале XVIII века // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. 2022. № 3 (25). С. 341–355.
21. *Магзенова С. А.* Программа профильного элективного курса по истории Казахстана "Исторические диалоги" (10 класс) // Инфоурок: образовательный портал в помощь школам, учителям, ученикам и родителям. URL: <https://infourok.ru/programma-profilnogo-elektivnogo-kursa-po-istorii-kazahstana-istoricheskie-dialogi-klass-1078999.html>. Дата публикации: 12.05.2016.

References

1. Atygaev, NA 2015, 'Kazakhskoe khanstvo v sisteme mezhdunarodnykh otnosheniy Evrazii' (The Kazakh Khanate in the system of international relations in Eurasia), *World of the Great Altai*, no 1(3), pp. 200–211. (In Russ.)
2. *Gosudarstvennyy arkhiv Astrakhanskoy oblasti* (GA AO) (The State Archive of the Astrakhan Region), fund 1, inventory 1, file 364. (In Russ.)
3. *Gosudarstvennyy arkhiv Omskoy oblasti* (GA OO) (The State Archive of the Omsk region), fund 366, inventory 1, file 327. (In Russ.)
4. GA OO, fund 366, inventory 1, file 330. (In Russ.)
5. GA OO, fund 366, inventory 1, file 341. (In Russ.)
6. Zlatkin, IY 1983, *Istoriya Dzhungarskogo khanstva 1635–1758* (History of the Dzungarian Khanate 1635–1758), Nauka publ, Moscow. (In Russ.)
7. Isina, A (ed.) 2005, *Istoriya Kazakhstana v russkikh istochnikakh. Posolskiye materialy Russkogo gosudarstva (XVI–XVII vv.)* (Russian sources of the history of Kazakhstan. Embassy materials of the Russian state (16th-17th centuries.), vol. 1, Dayk-Press publ, Almaty. (In Russ.)
8. Shakhmatov, VF, Kireev, FN & Shoinbaev, TZh (eds.) 1961, *Kazakhsko-russkiye otnosheniya v XVI–XVIII vv.* (Kazakh-Russian relations in the 16th-18th centuries), Nauka publ, Alma-Ata. (In Russ.)
9. Kozybayev, IM 1996, *Diplomatiya Kazakhstana: stranitsy istorii* (Kazakhstan's Diplomacy: chapters of history), Sanat publ, Almaty. (In Russ.)
10. Levshin, AI 2009, *Opisaniye kirgiz-kazatskikh, ili kirgiz-kaysatskikh, ord i stepey* (Description of Kirghiz-Cossack, or Kirghiz-Kaysak, hordes and steppes), Sanat publ, Almaty. (In Russ.)
11. Ibragimov, SK (ed.) 1969, *Materialy po istorii kazakhskikh khanstv XV–XVIII vv.* (Materials on the history of the Kazakh khanates of the 15th–18th centuries.), Nauka publ, Alma-Ata. (In Russ.)
12. Zlatkin, IY & Ustyugov, NV (eds.) 1959, *Materialy po istorii russko-mongol'skikh otnosheniy. 1607–1636. Sbornik dokumentov* (Materials on the history of Russian-Mongolian relations. 1607–1636. Collection of documents.), Gosizdat publ, Moscow. (In Russ.)
13. Pozdneyev, AM 1883, *Mongol'skaya letopis' «Erdeniyn erikhe»: podlinnyy tekst s perevodom i poyasneniyami, vklyuchayushchimi v sebya materialy dlya istorii Khalkhi s 1636 po 1736 g.* (The Mongolian chronicle "Erdeniyn erikhe". The original text with translation and explanations, including materials for the history of Khalkha from 1636 to 1736.), tip. Akad. Nauk publ, St. Petersburg. (In Russ.)
14. Sabitov, ZhM 2014, 'Kazakhsko-kalmytskiye otnosheniya v 1700–1715 godakh' (Kazakh-Kalmyk relations in the 1700–1715 years), *Srednevekovyye tyurko-tatarskiye gosudarstva*, no 6, pp. 122–126. (In Russ.)
15. Tynyshpaev, M 2009, *Istoriya kazakhskogo naroda* (The history of the Kazakh people), Sanat publ, Almaty (In Russ.)
16. *Centralnyy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov* (TSGADA) (Central State Archive of Ancient Acts), fund Chinese affairs, inventory 1, file 2, sheet 8. (In Russ.)
17. Fisher, IE 1774, *Sibirskaya istoriya s samogo otkrytiya Sibiri do zavoyevaniya sey zemli rossiyskim oruzhiyem* (Siberian history from the very discovery of Siberia to the conquest of this land by Russian weapons), Pri Imp. Akad. Nauk publ, St. Petersburg. (In Russ.)
18. Khamit, A, 'Tauke khan i «Zolotoy vek» Kazakhskogo khanstva' (Tauke Khan and the "Golden Age" of the Kazakh Khanate), *Gonzo.kz*, viewed 11.11.2023, http://gonzo.kz/blog/3454-tauke_han_i_zolotoy_vek_kazahskogo_hanstva (In Russ.)
19. *Istoriya Kazakhstana v russkikh istochnikakh. Posolskiye materialy Russkogo gosudarstva (XVI–XVII vv.)* (Russian sources of the history of Kazakhstan. Embassy materials of the Russian state (16th-17th centuries.) 2005, vol. 1, Dayk-Press publ, Almaty. (In Russ.)
20. Azhidinov, AS, Duysekova, AT & Oteuov, NN 2022, 'Kalmytsko-dzhungarskiy sovместnyy plan voyennoy agressii na kazakhskiye khanstva v kontse XVII – nachale XVIII veka' (Kal-

мык-Dzungarian joint plan of military aggression against the Kazakh Khanate at the end of the 17th - beginning of the 18th century), *Socio-economic and humanitarian magazine*, no. 3 (25), pp. 341–355. (In Russ.)

21. Magzenova, SA 2016, 'Programma profil'nogo elektivnogo kursa po istorii Kazakhstana "Istoricheskiye dialogi" (10 klass)' ("Historical dialogues", a program of the profile elective course on Kazakhstan history (10th grade), *Infourok*, <https://infourok.ru/programma-profilnogo-elektivnogo-kursa-po-istorii-kazahstana-istoricheskiye-dialogi-klass-1078999.html> (In Russ.)

Вклад авторов:

Гиззатов С. М. – идея, методология, подбор литературы, написание текста, научное редактирование текста.

Отеуов Н. Н. – сбор материала, подбор источников, анализ, написание статьи.

Contribution of the authors:

Sayalbek M. Gizzatov – idea, methodology, selection of literature, writing of the text, scientific editing of the text.

Nursultan N. Oteuov – collecting material, selecting sources, analyzing, writing an article.

Статья поступила в редакцию: 01.10.2023
Одобрена после рецензирования: 12.11.2023
Принята к публикации: 17.11.2023

The article was submitted: 01.10.2023
Approved after reviewing: 12.11.2023
Accepted for publication: 17.11.2023